

ДИН КУНЦ

ТАМ,
ГДЕ НАС НЕТ

Литературное чудо... Гобелен, сотканный из интриги
и постоянной атмосферы тревоги.

The Boston Globe

The Big Book

Дин Кунц

Там, где нас нет

«Азбука»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кунц Д. Р.

Там, где нас нет / Д. Р. Кунц — «Азбука», 2020 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20972-5

Суавидад-Бич, маленький провинциальный городок в Калифорнии. Джеффри Колтрейн и Эмити, его одиннадцатилетняя дочь, живущие здесь, никак не могут пережить боль утраты – уже без малого как семь лет пропала без вести Мишель, жена Джеффри. Однажды к ним в руки попадает загадочный артефакт неизвестного назначения, так называемый «ключ ключей», и жизнь Джеффри и Эмити меняется кардинально. В дом к ним приходят с обыском, их преследуют странные люди в черном, беда следует за бедой, и, казалось бы, уже никуда не деться... Вот тогда-то и вступает в действие «ключ ключей», открывает отцу и дочери дверь в иной мир, и, главное, они обретают надежду на то, что Мишель найдется.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20972-5

© Кунц Д. Р., 2020

© Азбука, 2020

Содержание

В тиши ночной явился гость	6
Часть первая	7
1	7
2	10
3	13
4	15
5	18
6	19
7	21
8	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дин Кунц Там, где нас нет

Dean Koontz
ELSEWHERE

Copyright © 2020 by the Koontz Living Trust

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

Перевод с английского Андрея Полошак
Оформление обложки Егора Саламашенко

thebigbook.

Серия «The Big Book»

© А. С. Полошак, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Ричарду Пайну и Ким Уизерспун,
а также
Ким Уизерспун и Ричарду Пайну.
Познакомься я с ними раньше,
они удержали бы меня
от множества глупых поступков*

*Не счесть миров и дел не счесть,
не счесть твоих ролей.
Альфред Теннисон*

В тиши ночной явился гость

Дверь ему не нужна, и до включенной сигнализации ему тоже нет дела. Гость входит в библиотеку в три часа ночи, издавая шума не больше, чем здешние призраки – что из пьес Шекспира, что из рассказов Расселла Керка. В проходах между стеллажами пусто. Все укромные уголки неоглядного зала окутаны тьмой. Библиотекари давно разбрелись по домам и спят в своих постелях. Уборщица ушла час назад. В воздухе пахнет чистящим средством с ароматом сосновых иголок, полиролью для дерева и лежалой бумагой.

По этому лабиринту знаний не рыщет страж-минотавр, но гостю все равно не по себе. Многие сочтут библиотеку убежищем от мирской суеты. Многие, но не гость. Он повидал немало жутких вещей, от которых волосы встают дыбом. Ему известно, что на свете не бывает безопасных мест.

Такие, как он, – знатоки не одной, но множества историй – нередко принимают смерть среди книг. Библиотекари и прочие апологеты письменного слова не раз получали пулю или нож в спину, их сжигали заживо или загоняли в концлагеря, где морили пытками и непосильным трудом. В библиотеках небезопасно, ибо на здешних полках не только книги, но и идеи – о справедливости, свободе, истине, вере и многом другом. Некоторые считают эти идеи крамольными. В любой политической фракции есть свои книгосжигатели. Им известно, где раздобыть топливо, когда настанет их звездный час.

Ночной гость знает этот городок под названием Суавидад-Бич, знает во всех его проявлениях, но не уверен, что найдет здесь то, что ищет. Прибыв сюда напрямик из другой библиотеки, он первым делом включает фонарик. Прикрывает свет ладонью, чтобы луч не доставал до окон под потолком, идет в компьютерный уголок, садится за клавиатуру.

Открывает браузер, идет на «Фейсбук», находит нужную страницу. На ней забавные посты Джеффри Колтрейна и его одиннадцатилетней дочери Эмити, но жена Мишель ничего не пишет. Еще на странице есть фотографии Джеффри и Эмити, но нет ни одного снимка Мишель. Как будто она давно умерла, думает гость, волнуясь все сильнее.

Идут минуты. Негромко тикают часы на стене огромного зала. Гость роется в общественных архивах Суавидад-Бич – ищет запись о смерти этой женщины, но не находит.

Находит, однако, другую запись: цифровое заявление, поданное в муниципальный суд Суавидад-Бич. Джеффри Колтрейн желает расторгнуть брак с Мишель. Он не видел жену уже больше семи лет. Ничего о ней не слышал, но не просит, чтобы Мишель признали умершей. Он хочет лишь освободиться от уз брака. Джеффри из тех, кто до самого конца надеется на лучшее. Его заявление красноречиво, исполнено глубокой печали и в то же время дышит неизбывным оптимизмом.

Разумеется, надежды Джеффри наивны. Гость повидал немало мертвецов. Не раз бывал свидетелем жесточайшей бойни. В нынешнем случае сомнений нет: Мишель мертва. Ее смерть – одновременно и трагедия, и повод для ликования.

Гость выключает компьютер. Какое-то время сидит в темноте. Размышляет о жизни, смерти и о том риске, на который идет человек, вознамерившийся обвести судьбу вокруг пальца.

В десять минут пятого гость выходит из библиотеки – тем же путем, что пришел. Дверь ему не нужна, и до включенной сигнализации ему тоже нет дела.

Начинается одиннадцатый день апреля.

Часть первая Ключ ключей

1

Иногда – в безоблачные ночи, когда луна плыла к западу, оставляя на черных водах океана россыпь мерцающих огоньков, а воздух был так чист, что далекие звезды светили чуть ли не ярче Венеры, и над планетой нависали бесчисленные галактики, – зачарованный Джеффи Колтрейн был уверен, что вот-вот случится чудо. Он был трудолюбивым человеком, долгов не имел, но слыл мечтателем. В тот дивный вечер, в среду, в одиннадцатый день апреля, воздух был напитан ароматом чуда с легкими нотками нежданной беды.

Был отлив. Поужинав в любимом кафе, Джеффри и его одиннадцатилетняя дочь Эмити сняли кроссовки и носки, закатали джинсы, вошли в воду и направились к гладким от вечного прибоя скалам на севере от центра Суавидад-Бич, что в Калифорнии. Сели рядом, подтянув ноги к груди, обняв колени, глядя на запад – туда, где Дальний Восток, где в тысячах миль отсюда Япония, где тоже вечер, только завтрашний.

– Не планета, а машина времени, – сказала Эмити.

– То есть?

– Часть мира в прошлом, часть – в будущем, а в Японии сейчас завтрашний вечер.

– Может, тебе рвануть в Токио? Пожить там с месяцок. Каждый день звонить мне и рассказывать о результатах завтрашних скачек на ипподроме Санта-Анита.

– Ага, – сказала она. – Так не бывает. Иначе все жульничали бы на скачках. И безумно разбогатели бы.

– Или скачек не было бы вовсе. Представь: ипподромы закроются, а твои любимые лошадки останутся без работы.

– Ты знаешь, каково это.

– Что именно?

– Никогда не жульничать. Проще всего всегда поступать по-честному.

– Ты же не сама выдумала эту фразу? Где-то подслушала, верно?

– Скажем так: мне хорошенько заморочили голову.

– Отцы не морочат детям голову.

– Да ну? Что еще скажешь?

– Нет, правда. Я не очень-то люблю морочить людям голову. Вот припудрить мозги – другое дело.

– А разница?

– Иной раз, когда тебе пудрят мозги, ты этого даже не замечаешь.

– Все я замечаю, – сказала Эмити. – У тебя что ни слово, то пудра для мозгов.

– Угнетенная ты моя.

– А куда деваться? – вздохнула она.

Джеффи с улыбкой покачал головой. Его, мечтателя, часто посещало предчувствие чуда. А чудо тем временем случилось одиннадцать лет назад. Чудо по имени Эмити.

Со стороны океана дул легкий ветерок. Тянуло солью, а еще – Джеффи верил, более того, он знал – экзотическими ароматами далеких стран, такими тонкими, что обоняние их не улавливало. Скорее, угадывало.

– Значит, это был правильный выбор? – спросила, помолчав, Эмити. – Ждать семь лет?

– Семь лет поддерживать пламя надежды? Да. Надежда – всегда правильный выбор.

– А ждать еще семь лет – это что, неправильно?

– Я никогда не перестану надеяться, милая. Но в конце концов пора перелистнуть эту страницу.

Семь лет назад, когда Эмити было четыре, Мишель ушла. Сказала, что в душе у нее пусто. Что вся ее жизнь сложилась не так, как надо. Ей нужно было направить свою судьбу в нужное русло, а потом уже вернуться к мужу и дочери.

С тех пор о ней ничего не слышали.

Как и Джеффи, Мишель Джеймисон родилась и выросла в солнечном Суавидад-Бич. Наверное, чувство, что жизнь идет не так, как надо, зародилось в душе Мишель, когда ее мать умерла при родах.

Двадцать два года спустя, сразу после рождения Эмити, отец Мишель – контролер энергетической компании – проверял трансформатор в катакомбах и погиб от удара током.

С тех пор день рождения Эмити всегда напоминал Мишель о смерти отца (его она очень любила) и матери (ведь та тоже умерла в день рождения, только не Эмити, а самой Мишель). Жена Джеффи не была пессимисткой, не страдала от депрессии – совсем наоборот, любила пошутить и лучилась жизненной энергией. Но иногда ей казалось, что родной город населен призраками, что прошлое давит на плечи тяжелым грузом и, чтобы избавиться от этого чувства, нужно уехать отсюда.

Вот она и уехала, чтобы найти себя. Похоже, так и не нашла.

Джеффи пробовал ее отыскать, но его старания ни к чему не привели. Частный сыщик, которого он нанял семь лет назад, лишь развел руками – так же как и сыщик, нанятый в прошлом году. Если целеустремленная женщина решила изменить свою жизнь, она способна запутать следы, и поиски потребуют серьезных ресурсов, а их у Джеффи не было. Мишель – не знавшая матери, потерявшая отца после рождения Эмити, утратившая веру в свою мечту (она мечтала профессионально заниматься музыкой) – оказалась очень ранимой. Раньше Джеффи даже не представлял насколько. Корил себя за черствость и постоянно думал, что нельзя было ее отпускать.

Мишель пропала уже давно. По закону суд мог признать ее умершей, но Джеффи не решался на этот мрачный шаг. Отказывался верить, что Мишель мертва. Надеялся, что она живет новой, счастливой жизнью. А раз надеялся, значит так оно и должно быть. Надежда – мощная штука. Поэтому Джеффи рискнул лишь расторгнуть брак.

На этой неделе его заявление наконец рассмотрели и одобрили.

Не сказать чтобы в свои тридцать четыре года он собирался начать жизнь с чистого листа. Он просто восстанавливал силы. И по-прежнему не снимал обручального кольца.

Ленивые волны омывали скалу, где сидели они с дочерью, а с пляжа доносился шепот прибоя, словно океан рассказывал берегу свои секреты.

– Что, если мама однажды вернется? Снова женишься на ней?

Они давно смирились с этой утратой. Не чувствовали ни горя, ни обиды. Когда речь заходила о Мишель, обоих накрывала сладкая тоска, присоленная ностальгией: они думали не о том, что случилось, а о том, что могло бы произойти. Правильно говорят: время – лучший лекарь. Шрам останется навсегда, но теперь можно коснуться его, не опасаясь, что от боли перехватит дыхание.

– Не уверен, что мама снова выйдет за меня, милая. Ей нужен был другой муж, не я.

– Знаешь что? На твой счет она ошибалась.

– Не факт. Мы оба мечтатели, но мечтали о разном. Она – о реальных вещах. Хотела стать автором-исполнителем, записывать собственные песни, сделать карьеру в музыке. Я же... Я мечтаю оказаться в тридцатых годах прошлого века, побывать на концерте Бенни Гудмана в Манхэттен-рум гостиницы «Пенсильвания» в Нью-Йорке. Или в мирах, которых не было и не будет, мирах Толкина и Хайнлайна. Я люблю биг-бенды и хоббитов. Меня хлебом не

корми, дай поглазеть на чудеса. Твоя мама... она умела сотворить собственное чудо. Прекрасную музыку. Я обожал ее песни, высоко их ценил, но ей нужна была настоящая аудитория. Побольше, чем один человек.

– На твой счет она ошибалась, – повторила Эмити обезоруживающим тоном.

Она не сердилась, но говорила на редкость убедительно.

На самом деле Мишель ошибалась лишь в одном: что найдет смысл жизни ценой расставания с семьей. Само существование Эмити оправдывало жизнь ее родителей на все сто. Джеффи не стал говорить об этом дочери. Он неплохо знал ее, да и себя тоже, и понимал, чем закончится такой разговор. Не стоит портить послевкусию от прекрасного ужина и доводить дело до слез. На звезды и море лучше смотреть сухими глазами.

– Покажи Большой Ковш, – попросила Эмити.

– Его еще называют Большой Медведицей. – Он обнял дочь, обвел глазами небо, нашел ручку ковша, указал на нее пальцем, очертил все созвездие. – В начале времен этим ковшом зачерпывали другие звезды, чтобы разбросать их по небу.

Через несколько минут они вернулись на берег, сели на камень и обулись.

До дома было полчаса ходьбы. Вечер выдался теплый, путь лежал мимо витрин магазинов и художественных галерей, и чего там только не было, в этих витринах. Джеффи всегда считал, что опоздал родиться, и поэтому не без удивления рассматривал так называемое «высокое искусство» нынешней никчемной эпохи.

Первый из семи домов в переулке Тенистого Ущелья, что пересекается с улицей Полых Дубов, был исполнен в викторианском стиле и походил на свадебный торт: с двумя башенками, покатой крышей и слуховыми окошками. На оконных рамах богатые резные наличники, а вокруг – вековые дубы. Дом принадлежал Боннерам: Марти и Дорис. Милые люди и вовсе не такие претенциозные, как их жилище. Они уехали в отпуск, а ключ оставили Джеффи.

Их с Эмити дом был одноэтажным. Кровля шиферная, стены из местного песчаника. Их сложил сам Джеффи: отец у него был каменщик. Янтарные лампочки в кракелюрных плафонах заливали веранду теплым узорчатым светом. Верхушки пальм, седые от лунного сияния, перешептывались с соседками, а легкий бриз подсказывал им темы для разговора.

На веранде стояли два кресла-качалки. Одно было занято.

– Дядя Страшила, – сказала Эмити.

2

Человек, которого Эмити назвала «дядя Страшила», представлялся как Эд. Просто Эд, без фамилии. Он был бездомный. Жил в лагере неподалеку от переулка, там, где заканчивался асфальт и начинался лес. Появился здесь где-то с год назад и приходил в гости как минимум дважды в месяц, всякий раз без приглашения.

Джеффи его не боялся. Ведь сам он крепкий рослый парень, шесть футов два дюйма, тридцать четыре года, вполне себе в форме, а Эд старше его лет на тридцать, ниже дюймов на шесть, а форма у него как у глины для детских поделок. Старик был эксцентричный (хотя психом не назовешь), но никогда не проявлял ни малейшей агрессии.

Тем не менее Джеффи сказал «Добрый вечер, Эд» и тут же препроводил Эмити в дом. Дождался, пока она замкнет дверь и включит свет в прихожей, после чего уселся во второе кресло-качалку. Гость заранее подвинул его так, чтобы оба сидящих на веранде смотрели друг на друга. Джеффи никогда не оставлял Эмити одну дома и всегда брал ее с собой – в наше-то время. Не только из-за Эда. Сказать по правде, вовсе не из-за Эда.

Калифорния переживала не лучшие времена. Популяция бездомных – по большей части психопатов и наркоманов – росла в геометрической прогрессии. Взятчики-политиканы плевать хотели на интересы местных жителей. Заботились лишь о том, как бы сохранить власть, продавить собственную идеологию и потратить миллиарды долларов на решение проблемы с бездомными, тем самым набивая карманы своих друзей, в то время как бродяг становилось все больше.

Когда их лагеря разрастались, власти, озаботившись вопросами здравоохранения и общественной безопасности, начинали принимать меры, то есть изгонять людей с палатками и спальными мешками за пределы Суавидад-Бич, в лесополосу, чтобы разделить один большой лагерь на несколько маленьких, расположенных подальше друг от друга и не привлекающих к себе лишнего внимания.

Эд был взъерошен и небрит, но разительно отличался от других бедолаг, оказавшихся без крыши над головой. Зубы у него были здоровые, улыбка сверкающая, и еще от него не воняло, ведь Эд ежедневно ходил в город, чтобы принять душ и постираться в бесплатной прачечной, общественной или церковной. Вместо бесформенного спортивного костюма, мешковатых джинсов и толстовки с капюшоном он всегда носил слаксы с аккуратно заправленной в них рубашкой, пиджак свободного покроя и галстук-бабочку. Сегодня вечером на нем была клетчатая рубашка и бабочка в горошек. Смелое сочетание. С другой стороны, вряд ли Эд попадет на глаза людям, искушенным в вопросах стиля. Никто не изогнет бровь и не отпустит в его адрес какую-нибудь колкость.

Эд утверждал, что не употребляет спиртного, разве что балует себя изысканным кабернесовиньоном, но гораздо реже, чем хотелось бы. Он был разборчив в напитках, предпочитал вино самого лучшего качества, но редко мог позволить себе такую роскошь, ведь хорошая бутылка – дорогое удовольствие. К наркотикам Эд был равнодушен: по его словам, никогда не принимал ничего сильнее аспирина.

Джеффи ему верил. Ему нравилось, что старик никогда не жалуется на судьбу, не ищет оправдания своему статусу, не пытается объяснить, как стал бездомным. Его проблемы – это его личное дело. Казалось, он был бродягой с самого рождения. Кастовый бомж, как сказали бы в Индии прошлого века.

Время от времени Эд заходил к Колтрейнам – по большей части чтобы поговорить о животных и птицах, населявших лесистый каньон. К тому же он неплохо разбирался в истории и любил порассуждать, каким стал бы мир, если бы в прошлом человечество, оказавшись на развилке, выбрало иной путь. Еще Эд интересовался поэзией: знал наизусть множество стихов,

от Шекспира и По до японских мастеров хайку. Надолго он не задерживался и никогда не надоедал хозяевам дома – должно быть, потому, что разум у него был весьма кипучий и на долгие разговоры не хватало терпения. Или же Джеффи был для него не самым интересным собеседником.

– Как поживаете, Эд?

– Умираю с того самого дня, когда родился. Так же как вы. И жить мне осталось всего ничего.

Мрачное расположение духа было столь же типично для Эда, как и кустистые седые брови. Их он никогда не подстригал.

– На вид вы бодрячком, – сказал Джеффи. – Надеюсь, не приболели?

– Нет-нет, Джеффри. Не приболел. На меня открыли охоту.

Джеффри. Так его не называл никто, кроме Эда да еще пары-тройки учителей в начальной школе. Несмотря на внушительный рост и завидную мускулатуру, у Джеффи была одна особенность: окружающие видели в нем вечного мальчишку. Потому и «Джеффи»: так в детстве ласково называла его мать. Он не обижался. Ему нравилось быть собой, и он понимал, что никогда не станет кем-то другим. Раз уж тебе подходит имя Джеффи, будешь носить его отныне и во веки вечные, до самой гробовой доски. Нормальное, кстати, имя.

– Открыли охоту? – спросил Джеффи. – Кто?

Эд нахмурился. Роскошные брови сошлись в белоснежную гусеницу, а глубоко посаженные глаза, те и вовсе утонули в глазницах.

– Лучше вам не знать. Жажда знаний – больше, больше, хочу знать больше, хочу знать все на свете – это прямой путь к гибели. Знание – сила, Джеффри, но чем больше знаешь, тем выше задираешь нос. Перестаешь смотреть под ноги. Смотрите под ноги, Джеффри. Не упивайтесь лишними знаниями, не позволяйте им свести вас в могилу.

– Лишними знаниями я похвастаться не могу, – заверил его Джеффи. – Так что в могилу меня скорее сведет невежество.

Не ответив, Эд подался вперед, вытянул шею и стал похож на выглядывающую из панциря косматую черепаху. Он смотрел на Джеффи так, словно перед ним был не человек, а творение скульптора-авангардиста и Эд никак не мог понять, что хотел сказать автор, изваявший столь причудливую фигуру.

Джеффи не впервые чувствовал на себе этот пристальный взгляд. Он понимал: Эд не продолжит разговора, пока не соберется с силами. Сейчас правильнее всего нацепить улыбку и терпеливо ждать.

Вдалеке, за деревьями, на улице Полых Дубов заунывно гудели автомобильные моторы, – наверное, с похожим звуком какой-нибудь почтенный левиафан отходит в мир иной.

На дубах переухивались любопытные совы.

Наконец Эд откинулся на спинку кресла, но физиономия его оставалась хмурой. Пышные брови все еще налезали одна на другую, словно двое совокупляющихся насекомых.

Нагнувшись, Эд поднял с пола картонную коробку. Ее Джеффи до сих пор не замечал. Коробка была квадратная, двенадцать на двенадцать дюймов. В прошлом белая, но теперь грязноватая и пожелтевшая от времени. Крышка сидела как влитая, но для верности коробка была перевязана бечевкой.

Эд взял коробку обеими руками, поставил на колени и уперся в нее взглядом – теперь уже не мрачным, а скорее испуганным. Иногда левая рука его едва заметно дрожала, и теперь подушечки пальцев непроизвольно постукивали по картону.

Вот Эд поднял голову, посмотрел Джеффи в глаза и сказал:

– Здесь ключ.

– Что за ключ? – спросил Джеффи, выдержав должную паузу.

– Ключ ключей.

- Судя по названию, важная штука.
- Нельзя, чтобы ключ попал к ним в лапы.
- К ним? К кому?
- Лучше не знать, – повторил Эд. – В общем, передаю его вам.

Джеффи поднял руки ладонями к собеседнику, изображая вежливый отказ:

– Очень мило с вашей стороны, Эд, но я не могу его принять. У меня уже есть ключ от дома. И ключ от машины. Других ключей мне не нужно. К тому же, по вашим словам, это не просто ключ, а ключ ключей, и я не знаю, что с ним делать.

– Нет-нет. – Эд схватил коробку и прижал ее к груди. – С ним нельзя ничего делать. Ничего, слышите? Ни в коем случае не открывайте коробку. Никогда, ясно?

Эд всегда был человеком с причудами, но теперь Джеффи видел, что перед ним не просто чудак. Этот человек переступил черту между экстравагантностью и серьезным психическим расстройством.

3

Дядя Страшила был не страшный. Скорее, странный. Эмити не боялась, что он набросится на нее с бензопилой или тесаком для рубки мяса, – нет, ничего подобного. Не было нужды запирать входную дверь, но когда речь заходит о дочкиной безопасности, папа становится форменным параноиком. Кстати говоря, это выглядит довольно мило. Эмити понимала, что даже сейчас, семь лет спустя, он не до конца справился с потерей жены и побаивался, что потеряет еще и дочь. Наверное, всегда будет опекать ее сверх всякой меры. Даже когда Эмити стукнет сорок, и у них с Джастином Дакотой – вон он, живет через три дома и не знает, что в один прекрасный день стодится ей в мужья, – будет трое ребятишек, и она будет жить на вершине холма, в шикарном особняке с видом на океан, потому что Джастин к тому времени станет кинозвездой или хай-тек-кудесником (и у тех и у других денег куры не клюют), а Эмити – знаменитой писательницей, и у семейства Дакота будет первостатейная охрана – целая армия телохранителей, – папа каждый вечер будет заходить в гости, чтобы лично проверить, надежно ли закрыты все двери и окна, подоткнуть дочке одеяло и напомнить, что если незнакомец угощает конфетой, от такого незнакомца надо бежать куда подальше. Папа у нее очень хороший, и Эмити любит его всем сердцем, честное слово. Но однажды, через несколько лет, им предстоит серьезный разговор. Придет пора терпеливо объяснить, что от его заботы уже не продохнуть, да и на отношениях такая гиперопека сказывается не самым лучшим образом. Кстати говоря, потихоньку начинает сказываться. Ведь Эмити уже не одиннадцать. Ей почти двенадцать.

Закрыв дверь на замок и включив свет, она прошла мимо гостиной с глубокими креслами и множеством книжных полок. Эмити с отцом обожали фэнтези. Стены коридора были увешаны постерами в стиле ар-деко: реклама шампанского «Теттенже» и белой ваксы для обуви «Энджелес», фотография автомобиля «плимут» 1934 года, афиша парижского ночного клуба: шоу 1925 года, на сцене Жозефина Беккер. Дальше по коридору – отцовская мастерская, где он наводит лоск на бакелитовые радиоприемники, возвращает этих красавцев к жизни и возится с другими коллекционными вещами. За мастерской, в глубине дома, – комната Эмити. Там ее ждет Снежок.

На ночь или когда Эмити с отцом уходили в кафе, Снежка запирали в клетке, и вовсе это не жестоко: клетка была просторная, с беговым колесом, а Снежок, крохотная белая мышка, запросто умещался у Эмити на ладони. Снежок был очень воспитанный. Его можно было посадить в карман куртки и взять с собой куда угодно, и он никогда не высовывался на свет, разве что Эмити сама его доставала. Он ни разу не испачкал ей карман – не написал, не накакал, а даже если оплошает, невелика беда: весит Снежок не больше четырех унций, и продуктов жизнедеятельности от такого малютки совсем немного.

Шубка у него белоснежная, глазки чернее чернил, а хвостик светло-розовый. Будь Эмити Золушкой, Снежок оборачивался бы великолепным скакуном, чтобы возить ее в красивой карете. Вот он какой, Снежок. Настоящий джентльмен, совсем не такой, как домовые мыши, от которых один вред и никакой пользы.

Теперь же, включив телевизор и выбрав диснеевский мультфильм (Эмити смотрела его уже много раз и точно помнила, что в нем нет ни одной кошки), она достала Снежка из клетки. Села в кресло, а Снежок какое-то время бегал у нее по рукам, по плечам, то и дело замирал и смотрел на хозяйку влюбленным взглядом, – по крайней мере, Эмити видела в его горящих глазах безмерное обожание. Наконец он спустился к ней на колени, лег на спинку и впал в экстатический транс, подставив животик под ласковые пальцы Эмити.

Снежок. Первый шаг к собаке.

Эмити хотела собаку, и папа был не против купить ей щенка, но сперва надо понять, способна ли она стать хорошей хозяйкой. Что, если она заведет пса (а собаки, между прочим,

живут лет двенадцать, а то и все четырнадцать) и через год поймет, что ей надоело выгуливать беднягу, заниматься с ним, надоело даже брать его с собой в город? Люди меняются, сегодня им подавай одно, а завтра – другое. И еще люди то и дело ранят душу другим живым существам. Если Эмити ранит душу своему псу, она себе этого не простит, возненавидит себя целиком и полностью, раз и навсегда. Это не дело – взять собаку, а потом от нее отвернуться.

В зоомагазине сказали, что Снежок с его лоснящейся шубкой – мышь очень редкой породы, что он проживет года четыре. Из этих четырех прошло уже два, и Снежок до сих пор ей не надоел. Эмити любила его так, как только можно любить мышь, существо без яркой личности и без особенного характера – в отличие от собаки.

И еще, прежде чем заводить пса, нужно понять, как Эмити справится с потерей, когда Снежок умрет. Если сильно расстроится, о собаке и думать нечего, потерю собаки она и вовсе не переживет, – это уж точно, никаких сомнений. Когда ушла Мишель, Эмити было всего четыре года. В таком возрасте не особенно понимаешь, что случилось. Матери она почти не помнила, но до сих пор страдала от утраты. Ну как страдала... Боли не было. Была пустота, будто чего-то нет на месте. Девочка опасалась, что с каждой новой потерей эта пустота будет разрастаться и в конце концов Эмити станет совершенно пустой, словно яичная скорлупа, из которой высосали все содержимое.

Иногда – например, прямо сейчас – она не могла вспомнить, как выглядела мать. Чувство, прямо скажем, страшноватое. Пару недель назад на Эмити накатило дурное настроение. Она схватила фотографию Мишель (папа советовал всегда держать ее на рабочем столе) и сунула в нижний ящик. Может, пришла пора снова взглянуть на этот снимок.

Снежок лежал у нее на коленях, закрыв глаза. Нижняя челюсть у него отвисла. Так и будет блаженствовать, пока чешешь ему животик.

Эмити рассматривала его бритвенно-острые зубы. Они растут у мышей всю жизнь. Снежку нужно было постоянно стачивать зубы, иначе он не смог бы принимать пищу. Вот почему у него в клетке было три брикета прессованных опилок: чтобы Снежку всегда было что погрызть.

У всех живых существ свои недостатки. Своя ноша.

Папа говорит, что эта ноша придает нам сил, закаляет душу, что это не недостаток, а достоинство. Он много чего знает и почти всегда прав, но эти разговоры про достоинство, которое на самом деле недостаток... Полная чушь, сопли с сахаром. По крайней мере, по опыту Эмити. Папа, наверное, во все это верит. Говорит, что ночь темнее всего перед рассветом. Он страшно терпеливый и почти никогда не выходит из себя.

Вот Эмити терпения не хватает, хотя лучше бы хватало. Разозлить ее проще простого. Не так давно она составила список вещей, которые ее бесят, чтобы ничего не забыть и не удариться в сентиментальность, подобно куклам из детской утренней программы, талдычащим, чтобы дети были «заиньки, зайньки да паиньки». Список получился дурацкий, так что Эмити порвала его, а клочки выбросила, но запомнила каждую строчку – даже ту, где говорилось, что ее бесит тот факт, что у нее нет мамы, и еще как бесит. А когда тебя что-то бесит, ты уже не сможешь грустить по этому поводу, не станешь нюни распускать. Вот оно, настоящее достоинство, счастье и блаженство.

Не переставая чесать Снежку животик, Эмити думала, что сейчас происходит на веранде и какую лапшу дядя Страшила вешает на уши ее терпеливому отцу.

4

Из каньона доносились зловещие вопли койотов, – стало быть, охота в самом разгаре. На луну напозло облачко, и серебристый свет потускнел.

– Оставляю его вам, – торжественно изрек Эд, протягивая Джеффи грязную коробку, перевязанную бечевкой, – ибо, случись ему попасть в недобрые руки, судьба человечества изменится раз и навсегда. А вы, Джеффри Уоллес Колтрейн, самый надежный человек на моей памяти, и никому я не доверяю больше, чем вам.

– Лестно слышать, но ведь вы меня почти не знаете, – заметил Джеффи.

– Как бы не так! – прогремел Эд. – Я нутром вас чую, вижу вас насквозь, вижу всю вашу душу. А нутро не ошибается. Нутро говорит: у этого парня чистая душа. Если откажетесь мне помочь, то обречете свою дочь на форменный кошмар. На рабство и даже смерть!

Янтарные лампочки на веранде светили неярко, но Джеффи все равно увидел, что лицо Эда побагровело. На шее и висках запульсировали жилки, словно бродягу вот-вот хватит удар.

Держа перед собой коробку, старик сдвинулся на самый краешек кресла и понизил голос до напряженного шепота:

– Послушайте меня. Послушайте, просто послушайте. Я пользовался этим ключом ключей сотни раз. Видел неопишемые ужасы. Мне следовало его уничтожить, но рука не поднялась, ведь это мое детище, гениальный плод трудов всей моей жизни. Я не могу спрятать его в депозитной ячейке, ведь враг прошерстит все банковские записи от одного побережья до другого. Не могу оставить его никому из тех, кого знал в прошлой жизни. За этими людьми следят. Не могу даже, черт побери, вырыть яму и закопать эту штуковину: что, если какой-нибудь несчастный найдет ее и включит? Откуда ему знать, насколько это опасно? Спрячьте коробку как следует. Подозрение падет на всех жителей каньона, с кем я имел возможность общаться. Они, эти мерзавцы, все здесь перероют. И неудивительно, ведь он стоит семьдесят шесть миллиардов долларов.

– Он? Кто?

– Вот он. – Эд осторожно потряс коробку.

– Дорогая вещица, – заметил Джеффи.

– Ох, поверьте, он гораздо, гораздо дороже. За него не жалко и весь мир отдать. Вот почему поиски никогда не прекратятся.

Похоже, несущий винтик в голове у Эда не просто разболтался. Очевидно, он и вовсе выпал из гнезда, а следом обрушилась вся конструкция в Эдовой черепушке. Старик выпучил глаза, лицо его блестело от испарины. Он сильно распереживался. Джеффи было жаль его. Эд – образованный человек, ученый (не исключено, что когда-то он был талантливым преподавателем истории, литературы или философии) – пал жертвой слабоумия. Что тут скажешь, настоящая трагедия.

Оставалось лишь одно – постараться утешить старика. Пойти ему навстречу. Нельзя отмахиваться от его параноидальных фантазий, называть их галлюцинациями (коиими они, собственно говоря, и являются), это неуважительно и жестоко. Джеффи тоже сдвинулся на самый краешек кресла и взял у Эда коробку.

– Никогда ее не открывайте! – Эд погрозил ему пальцем. – Никогда не трогайте ключ. Просто храните его. Если не вернусь через год, значит я мертв. Мне бы раздобыть пистолет и перестрелять мерзавцев, когда они явятся по мою душу, но я на такое не способен. Слишком много ужасов мне довелось повидать. Не хочу множить страдания. Я миролюбивый человек, беспомощный пацифист. Если не вернусь через год, значит я мертв.

– Поверьте, вам еще жить и жить, – успокоил его Джеффи.

– Через год найдите бочку. Найдете?

– Бочку?

Для пущей доходчивости Эд стиснул ему колено:

– Бочку, жестянку из-под нефти, металлический цилиндр с плотной крышкой. Найдете?

– Конечно.

– Умеете замешивать бетон?

– Я же каменщик.

– Да, точно, я и забыл. Значит, так: если не вернусь через год, заполните бочку бетоном.

До половины. Потом положите в нее коробку и долейте бетона доверху, чтобы вокруг коробки получился саркофаг. Сваркой пользоваться умеете?

– Да, я на все руки мастер.

– Заварите бочку. Она, как понимаете, будет очень тяжелая.

– Чрезвычайно тяжелая, – покивал Джеффи.

– Вряд ли у вас есть гидравлическая ручная тележка. Таких почти ни у кого нет. Ну что, есть у вас ручная тележка? Гидравлическая?

– Нет, но могу взять напрокат.

Эд снял руку с его колена и показал Джеффи два больших пальца:

– Возьмете тележку, погрузите на нее бочку, отвезете ее на причал. Катером управлять умеете?

– Любым, вплоть до тридцатисестифутового.

– Арендуйте катер, вывезите бочку в океан и выбросьте за борт на самой глубине.

– Какая потребуется глубина? – поинтересовался Джеффи.

– Тысячи футов, наверное, хватит. Но никак не меньше пятиста.

– Считайте, что дело сделано. То есть если вы не вернетесь через год.

В этот момент луна вышла из-за облачка, и тревога на лице у Эда словно по волшебству сменилась облегчением.

– Я знал, что могу на вас положиться. Понял это после первых наших посиделок на веранде. – Он поднялся на ноги. – Джеффри, ни при каких условиях не открывайте коробку. И не прикасайтесь к тому, что в ней находится. Сдержите данное мне слово. Вещица в коробке навлечет на вас одни лишь несчастья. Судьба всего мира в ваших руках.

Похоже, у Эда разыгралась мания величия. Джеффи встал с кресла-качалки:

– Что ж, Эд, когда коробка вам понадобится – через год или, допустим, завтра, – я буду готов ее вернуть.

– Через год или никогда. Уже завтра каньон будет кишеть этими презренными мерзавцами. Так что спрячьте ее хорошенько.

Эд поправил бабочку, разгладил полы пиджака, подошел к ступенькам, спустился с веранды и оказался на залитом лунным светом газоне. Остановился, взглянул на небо и снова повернулся к Джеффи:

– Меж тем как, противные, быстрой рекою, сквозь бледную дверь, за которой Беда, выносятся тени и шумной толпою, забывши улыбку, хохочут всегда¹. Вот вам пара строчек из По. Не троньте ключ, Джеффри. Не вздумайте открывать бледную дверь.

Он зашагал было к дороге, но тут же добавил еще одно предупреждение:

– За мной по пятам идет поисковый отряд демонов. Дьяволы, черти! Когда эти свиньи сунут сюда свое рыло, помните: они не те, кем кажутся. Даже если отдадите им коробку, вам от них не отделаться. Узнав, что ключ у вас, этот дивный и вместе с тем проклятый ключ у вас, они решат, что вы слишком много знаете. Они безжалостные убийцы. Сволочи. Дикое зверье. Они... сделают так, что вы исчезнете. Спрячьте его хорошенько, Джеффри. Спасите и себя, и вашу девочку. Спрячьте его хорошенько!

¹ Эдгар Аллан По. Заколдованный замок. Перевод К. Бальмонта. (Примеч. перев.)

Старик вышел на тротуар, свернул направо и двинулся в сторону каньона.

Ночь наполнилась печалью и сожалением. Лунное серебро потускнело. Может, этот человек всю жизнь был не в себе, но до сегодняшнего вечера он вел себя как приятный собеседник и ни разу не сворачивал на кривую дорожку откровенного безумия.

Эд ступил под раскидистые дубовые ветви, куда не проникал свет луны. Наконец его силуэт растаял во тьме.

5

Эмити стояла возле кухонного стола. На правом плече у нее сидел Снежок и грыз орешек, придерживая его передними лапками.

На столе стояла коробка. Грязная, пожелтевшая, не коробка, а одно название – и все же у нее был зловещий вид.

– Что в ней? – спросила Эмити.

– Не знаю. – Папа откупорил бутылку пива. – И я пообещал, что не буду ее открывать.

– Может, там мадагаскарский шипящий таракан. Восьмидюймовый. Помнишь, как колдунья наслала на вражеский замок полчище тараканов?

– Помню, но это было в книжке. В реальной жизни люди не подбрасывают друг другу огромных тараканов, чтобы навести порчу. Эд – неплохой человек. Но похоже, слетел с катушек.

– А если он не вернется через год? Ты что, правда замуруешь ее в бочке и утопишь в океане?

– Ну, я же пообещал. – Отец пожал плечами. Уселся за стол, печально улыбнулся и покачал головой. – Семьдесят шесть миллиардов долларов...

– Вряд ли столь ценную вещь можно спрятать в такой маленькой коробке, – заметила Эмити.

В такую коробку поместится, к примеру, Снежок. Эмити обожала своего малыша, и для нее он стоил гораздо больше, чем они с папой заплатили за него в зоомагазине, но никак не миллиарды долларов – без обид, любимый Снежок и все мыши на свете. С другой стороны, папа определенно стоит этих денег. Если однажды его похитят и злодеи потребуют выкуп – семьдесят шесть миллиардов, – а к тому времени Эмити заработает много-много долларов, она заплатит все эти миллиарды и глазом не моргнет, честное слово. Но папа, в отличие от Снежка, в такую коробку не поместится.

– Что бы там ни было, – сказал отец, – оно и десяти центов не стоит. Ни для кого, кроме Эда. Бедняга совсем расклеился. Пал жертвой собственного рассудка. Судя по его речам... Думаю, когда-то он был преподавателем в колледже. И пожалуй, весьма талантливым. Но теперь на него жалко смотреть. Что ж, скоро он вернется за своей вещицей. Может, через неделю. А то и завтра.

Эмити, сняв Снежка с плеча, баюкала его в ладонях. Это всего лишь мышка, но Эмити обязана его защищать – в этом мире, где ничто не вечно. Даже ты сам.

6

Всю ночь Джеффи снилась коробка. Сновидения были разрозненные, скоротечные, одно сменялось другим без какой-либо нити повествования. Джеффи снилось, что он ищет коробку и не находит или же ему попадаются всевозможные коробки, но не та, которую вручил ему Эд. В одном из снов Джеффи пришел на кухню, включил свет и увидел, что стенки коробки выгнулись наружу, а бечевка туго натянута, словно кто-то стремился вырваться из своей картонной тюрьмы и причитал так заунывно, что от этого звука кровь стыла в жилах. Потом Джеффи снилось, что он – совсем как Алиса, отхлебнувшая из бутылочки с надписью «ВЫПЕЙ МЕНЯ», – сделался крошечным, не выше дюйма ростом, и сам оказался в коробке, а высоко над головой, зацепившись когтями за крышку, висит здоровенная, голодная и злобная тварь. Джеффи лишь чувствовал ее присутствие, но тварь прекрасно его видела – даже в темноте.

Он встал до рассвета. Побрился, принял душ, оделся. Пришел на кухню, включил свет. Коробка стояла в самом центре стола – именно там, где Джеффи ее оставил. Стенки не выгнуты, никто не причитает.

Вряд ли Эд опасен. Наверняка в коробке лежит какая-то безделица, представляющая ценность лишь для выжившего из ума старика. И все же странно, что подсознание всю ночь терзало Джеффи, насылая на него столь неприятные сны – даже кошмары – об этой безобидной картонке.

Здесь, на кухне, выдержанной в стиле ар-деко, Джеффи как будто вернулся во времена, когда мир был более дружелюбным, и чувство тревоги отступило. Пол выложен крупным белым кафелем, а между плитками – черные ромбовидные вставки. Белая лакированная мебель. Стена за раковиной закрыта листом нержавеющей стали, рабочие поверхности тоже из нержавейки. Винтажная плита фирмы «О’Киф и Мерритт» с множеством отделений. Точная копия холодильника «Колдспот» из тридцатых годов прошлого века. Банка от печенья «Крейзи кэт»: сама черная, а глазищи кота – белые. На стене постер – обложка одного из номеров «Шарм» за 1931 год с изображением кофейника и чашки.

Начинало светать. Небо над каньоном зарозовелось. Джеффи налил себе чашку свежесваренного ямайского кофе, встал у раковины и уставился в окно, на тропинку, ведущую в холмы. Сделал пару глотков и услышал вдалеке ритмичный механический шум. Звук быстро нарастал. Наконец от него задрожал весь дом. Вертушка? Джеффи поднял глаза к потолку, снова глянул в окно и успел заметить над дубами вертолет: крупнее полицейского, двухмоторный, человек на восемь-десять, оба винта высокие – и несущий, и рулевой. Серьезная машина. Весит, пожалуй, не меньше десяти тысяч фунтов. И выглядит зловеще: летит быстро и гораздо ниже разрешенной высоты. Такое чувство, что идет в атаку.

Вслед за гулом вертолета послышался шум других моторов. Один, два, три, четыре черных «шевроле-субурбана» промчались по переулку Тенистого Ущелья. Без сирен, без мигалок, но картина была как в кино: агенты ФБР торопятся обезвредить террористов, грозящихся взорвать атомную бомбу.

Едва затих рокот первого вертолета, тут же зарокотал следующий, еще громче. Джеффи, отставив кофейную кружку, бросился к входной двери и выскочил на веранду. Как раз вовремя: с запада шла еще одна вертушка. Небо было ясное, и отблеск утреннего солнца на стекле кабины походил на розовое бельмо.

Ярдах в пятидесяти от бунгало, на стыке улицы Полых Дубов и переулка Тенистого Ущелья, у тротуара стоял пятый «субурбан», а рядом с ним, поперек дороги, шестой. Ни пройти ни проехать. Возле автомобилей совещались шестеро мужчин.

Босоногая, в пижаме с принтом Реактивного Енота, зевая и потягиваясь, на веранде появилась Эмити. В этот момент второй вертолет, снизившись, пролетел прямо над домом.

Дубовые ветви содрогнулись, пальмовые листья взъерошило воздушным потоком. Вековые дубы стояли зелеными круглый год, понемногу сбрасывая старую листву. Теперь же бурые листья – хрустящие и формой похожие на тараканы хитиновые панцири – осыпались в один момент, сухо шелкая по черным ветвям.

– Что происходит? – спросила Эмити.

– Не знаю.

– Что-то серьезное, – сказала она.

– Похоже на то.

– Тебе не страшно? Потому что мне слегка страшновато.

– Есть маленько, – кивнул он.

– Что это за люди?

– Наверное, ФБР. Черные «субурбаны», черные вертолеты, никаких опознавательных знаков.

– На полицейских машинах должна быть специальная маркировка, верно?

– Я тоже так думал.

– Пойду-ка я переоденусь, – сказала Эмити после паузы.

– Неплохая мысль.

Эмити направилась к двери. Обернулась и добавила:

– А ты пока спрячь ту коробку, что принес Эд.

7

В отличие от Эмити, Джеффи и в голову не пришло, что внезапное нашествие машин и вертолетов как-то связано со вчерашним визитом Эда. Когда старый бродяга, у которого явно не все дома, говорит, что на него открыли охоту (если, конечно, не выдумывает), представляешь охотника под стать злополучной жертве: пришибленного наркомана, свято верящего в существование вещицы под названием «ключ ключей», или психопата, имеющего зуб на бездомных в клетчатых рубашках и с галстуками-бабочками в горошек. Ты вовсе не предполагаешь, что речь идет о десятке-другом крепких мужчин в полном спецназовском обвесе стоимостью в несколько миллионов долларов.

Иногда, однако, здравый смысл идет рука об руку с паранойей. Похоже, что мировые элиты, вдохновившись книгой Джорджа Оруэлла, с редким единодушием решили: эпоха тоталитаризма, описанная в романе «1984», наступит не позднее чем через полвека после даты, предсказанной его автором.

Вернувшись на кухню, Джеффи схватил коробку со стола. Она была легкая: наверное, заполнена кусочками стирофома или другого упаковочного материала.

Джеффи нерешительно застыл на месте, прислушиваясь к шуму вертолетов. Один рокотал вдаль, другой – ближе и громче. Куда бы спрятать коробку? Ему не верилось, что «свиньи», о которых говорил Эд, – кем бы они ни были – ворвутся в дом и станут обыскивать комнату за комнатой, выворачивать ящик за ящиком. Однако если эти люди и впрямь надумают переступить порог бунгало, коробку спрятать некуда: все потайные места очевидны.

Наконец Джеффи ушел к себе в мастерскую, частично отведенную под восстановление стильных бакелитовых радиоприемников эпохи модерны.

Слева от верстака был стеллаж с восемью приемниками знаменитых фирм: «Фада», «Сентинел», «Бендикс», «Эмерсон», «Девальд». Начищенные, отполированные красавцы, просто загляденье. Джеффи заменил в них проводку, поставил новые лампы, и теперь приемники могли принимать радиостанции АМ-диапазона не хуже, чем в тридцатых годах прошлого века. Правда, звук давали не сразу: нужно было ждать, пока прогреются лампы.

На стеллаже справа от верстака стояло шесть выцветших и поцарапанных приемников – до них у Джеффи руки пока не дошли. Все с блошиных рынков, дворовых распродаж и от барахольщиков, скупающих всякое старье: то, что другие считают за хлам. Самый дешевый аппарат обошелся Джеффи в сорок долларов, самый дорогой – в две тысячи. В таком деле все зависит от осведомленности продавца. После восстановления страстные коллекционеры готовы были отдать за подобную вещицу пять, шесть тысяч долларов, даже десять, если модель была редкой и особенно красивой.

Самым крупным обитателем стеллажа был грязно-бурый «Бендикс». После чистки и полировки корпус станет светло-коричневым, а рамка шкалы и ручки настройки – светло-желтыми. Потроха «Бендикса» были выложены на верстак. На стеллаже стоял один лишь пустой корпус: одиннадцать дюймов в длину, семь – в ширину и десять – в высоту. Маловато, чтобы спрятать Эдову картонку, но для ее содержимого, пожалуй, в самый раз.

Джеффи вспомнил слова Эда: «Ни в коем случае не открывайте коробку. Никогда, ясно?»

Над домом снова пролетел вертолет – так низко, что от воздушной волны содрогнулась крыша и задрезжались стекла.

Такая непрезентабельная коробка непременно привлечет внимание во время обыска, ведь она совершенно не вписывается в интерьер дома.

«Джеффри, ни при каких условиях не открывайте коробку. И не прикасайтесь к тому, что в ней находится».

Трудно было поверить, что на самом деле Эд не страдал от слабоумия. Что в коробке лежит чрезвычайно ценный и важный предмет. Что за стариком и впрямь явился «поисковый отряд демонов». Даже если это правда (ведь неспроста здесь кружат вертолеты и разъезжают «субурбаны»), Эд, несомненно, преувеличивал жестокость своих врагов. Дикая звери? Убийцы, способные стереть с лица земли невинного человека и его дочь?

В дверь позвонили.

Наверное, почтальон. Принес посылку, нужно расписаться.

Вертолет вернулся и завис над домом. Под волнами воздуха от несущего винта пальмы забились так громко, что их слышно было даже за оглушительным шумом ротора.

Сердце у Джеффи колотилось, как у кролика, понимающего, что его вот-вот съедят. «Прости, Эд. Нужно было посерьезнее отнестись к твоим словам».

Он поставил коробку на верстак, развязал узелок, отбросил бечевку в сторону.

Человек на веранде снова нажал на кнопку звонка, и в этот же момент послышался настойчивый стук: кто-то ломился в заднюю дверь.

Джеффи снял крышку и замер. Предмет в коробке был обернут вспененным целлофаном. «Спрячьте его хорошенько, Джеффри. Спасите и себя, и вашу девочку».

За тонкой шторкой на окне появилась человеческая фигура, черная тень на фоне яркого утреннего солнца.

Джеффи быстро развернул защитную пленку. Ключ ключей был похож на блестящий смартфон – дюймов пять на три, а то и меньше, – но на корпусе из нержавеющей стали не было ни кнопок, ни гнезда для зарядного устройства. И никаких опознавательных знаков. Черный экран казался неотъемлемой частью корпуса, словно устройство не собрали из отдельных деталей, а поатомно напечатали на 3D-принтере, хотя таких продвинутых принтеров нет в природе.

В одну дверь звонили, в другую били кулаком, шумели деревья, рокотал вертолет. Джеффи сунул непонятный предмет в корпус «Бендикса». Схватил с верстака детали от приемника и убрал их в дальний ящик.

В спешке разорвал картонную коробку на мелкие части, не забыл и про крышку. Бросил обрывки в мусорную корзину. Туда же отправилась бечевка, после чего Джеффи хорошенько потряс корзину, чтобы старый мусор как следует перемешался с новым.

8

Джеффи открыл дверь. На веранде маячили трое мужчин: один – спереди, двое – у него за спиной. На переднем был черный костюм и белая рубашка с черным галстуком. Красавчик, словно со страниц журнала «Джи-Кью». Густые черные волосы зализаны назад, как у персонажа из фильма в стиле нуар. У такого в кармане найдется и пружинный нож, и удавка. Глаза у него были серые, а взгляд острый, как подсайдашный клинок.

Двое у него за спиной были в черных брюках с накладными карманами, черных футболок и черных же куртках – достаточно свободных, чтобы сбруи с пистолетами не бросались в глаза. Оба выглядели так, словно им на роду написано создавать людям неприятности. Один сказал что-то в рацию. Зависший над домом вертолет набрал высоту и сдвинулся к югу.

Мужчина в костюме скорчил гримасу. Наверное, думал, что улыбается, но голос его прозвучал на редкость недружелюбно:

– Джон Фолкерк, Агентство национальной безопасности. – Он показал удостоверение со своим фото.

Самое время прикинуться туповатым жителем сонного каньона, встревоженным неожиданной суматохой. Джеффи затараторил, не делая пауз между вопросами:

– Что такое, что случилось, нас что, эвакуируют?

– Этот дом записан на Джеффри Колтрейна, – сказал Фолкерк. – Вы мистер Колтрейн?

– Да, сэр, так и есть, это я, он самый. – Джеффи покивал, чтобы добавить веса своим словам. – Что творится, зачем вертолеты, мы что, в опасности? У меня тут маленькая дочь.

Фолкерк не стал его успокаивать: когда обыватель взволнован, он отвечает на вопросы спонтанно, не думая. Убрав удостоверение, спецгент показал Джеффи смартфон с фотографией Эда на экране:

– Знаете этого человека?

– Кто это?

– Я надеялся, что вы сами скажете, как его зовут.

Джеффи покосился на телефон:

– Ну, может, я его и видел.

– Где?

– Вот этого сказать не могу.

– Не можете сказать, где его видели?

– Нет, сэр. Ну, не знаю... может, и не видел. А если видел, то где-то в городе.

Фолкерк молчал. В его молчании было что-то угрожающее, словно он проанализировал каждый слог, произнесенный Джеффи, одновременно отслеживая расширение зрачков, а теперь сводил воедино оба массива данных, пытаясь распознать ложь. Вид у него был как у робота из научно-фантастического фильма.

Джеффи мог бы пойти ему навстречу, но старый добрый придурковатый Эд нравился ему гораздо больше, чем этот стремный мужчина в черном. Доверять такому – все равно что доверять парню с татуировкой «666» на лбу.

– Он бомж и бродяга, – сказал агент. – Остального вам знать не следует. Живет в каньоне. На пустыре. В надувной палатке небольшого размера.

– В каньоне? – Джеффи старательно нахмурился. – Раньше там никто не жил. Кроме койотов, рыжих рысей и их кормовой базы. Славное было время. Не то что сейчас.

– Нам известно, что этот человек бывает в городе не реже нескольких раз в неделю. И всякий раз проходит мимо вашего дома. Может, тогда-то вы его и видели?

– Может быть. Я не любитель рассиживаться на веранде. Других дел хватает.

– Если он вас заметил, мог остановиться, чтобы поболтать. Он общительный человек.

– У меня с такими людьми разговор короткий. – Джеффи нахмурился старательнее прежнего. – Говорю же, у меня маленькая дочь, так что я не очень люблю незнакомцев.

Он взглянул на парочку за спиной у Фолкерка. Похожи на спецназовцев, снявших кевларовую броню, чтобы заглянуть в кафе за пончиками. Джеффи снова сосредоточил внимание на собеседнике:

– Так что происходит? Мне следует волноваться? И если да, то насколько сильно? Этот бродяга кого-то убил?

– Его зовут доктор Эдвин Харкенбах. Это имя вам о чем-нибудь говорит?

– Нет, я у него не лечусь, – покачал головой Джеффи. – Моего терапевта зовут Бен Солерно. А стоматолога – Дженнифер Гошен. В специалистах узкого профиля пока не нуждаюсь, и слава богу.

Какое-то время Фолкерк молча смотрел на него, после чего убрал телефон. В руках у него появился официального вида документ.

– Мистер Колтрейн, понимаете ли вы, что лгать агенту АНБ – это уголовно наказуемое деяние?

– Да, конечно понимаю. Так же как и лгать агенту ФБР. И это правильно.

– Вот ордер на обыск вашего жилища. Речь идет о национальной безопасности. Попытка воспрепятствовать моим действиям повлечет за собой ваш арест.

– Хотите зайти и осмотреться? – Джеффи взял у него ордер.

– В общем и целом – да. Вам следует знать, что вас не подозревают в совершении уголовного преступления. – В ледяном взгляде Фолкерка читалось обратное. – Этот ордер выдан в соответствии с Актом о негласном наблюдении в целях внешней разведки. Для противодействия угрозе национальной безопасности. Я говорю об индивидууме, который мог воспользоваться вашей добротой в преступных целях. Такие ордера выписаны на обыск всех семи домов в переулке Тенистого Ущелья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.